

Общая газета. — 1997. —

СОВРЕМЕННЫЕ
МЕМУАРЫ

Все мы немножко

Кузькины

— 6-12 марта. — с. 11

Юрий ЛЮБИМОВ

Годовщину смерти Бориса Можаева Таганка отметить не сможет. Хотя надо бы, конечно, сыграть «Живого», уж больно замечательно вещь написана. Но исполнитель главной роли уехал зарабатывать деньги. Ничего не делаешь: такие времена.

Мы долгие годы дружили. Ездили домой к жене Можаева Милде, в Прибалтику. Собирали ягоды и колдовали над домашним вином. Борис Андреевич научил меня солить лосося и есть строганинку. Золотые, незабываемые, раз и навсегда ушедшие времена.

А началось все с того, что я пришел к своему другу Николаю Робертовичу Эрдману и услышал:

— Ю-ю-ра, вы ч-читали «Козлотур» Искандера? — Эрдман заикался. Как я тогда шутил, от советской власти. — Оч-чень интересная вещь, надо почитать. И вот еще повесть, тоже п-почитайте, — и протянул мне «Из жизни Федора Кузькина». Я послушался, прочел «Кузькина» и попросил, чтобы нас познакомили.

При первой встрече Можаев смотрел на меня очень настороженно и почему-то все время напирал на то, что МХАТ тоже хочетставить эту вещь. Я посоветовал посмотреть что-нибудь из нашего репертуара. Это только теперь, из воспоминаний, опубликованных в «Новом мире», я узнал, что Бориса Андреевича долго отговаривали от общения с Таганкой. Обо мне тогда шла молва как о мелком эпажнике и модернисте. Кроме того, утверждали, что настоящая моя фамилия — Либерман. А разве может Либерман понять русскую душу и полюбить русскую деревню? Но Можаев остановился на Таганке, началось варево, какое всегда начинается, когда повесть переводят на сцену. Все были молоды, задорны, Можаев очень помогал Золотухину вжиться в роль. А потом спектакль закрыли на двадцать один год.

Когда Демичев в первый раз принимал спектакль, Можаев сидел рядом со мной и очень странно себя вел: отвлекал Демичева, дергал его, что-то комментировал. А я все думал: почему? А Борис, оказывается, специально тормозил Демичева, чтобы тот не насыпался ненавистью к спектаклю. Демичев делал вид, что принимает спектакль, и бурчал: «Что же это у вас за частушки неправильные...»

— Ого-го частушки, ого-го... О чём разговор, их, знаете, столько, частушек... Заменим. — Можаев говорил раскатисто, оглаживая бороду, с каким-то необъяснимым чувством собственного достоинства. — Ну вот и славно, очень хорошо, что в целом вы спектакль поддерживаете.

Все присутствующие встрепенулись, стали поддакивать: да-да, нам необходима сатирическая. Но все старания Бориса Андреевича были зря. А как он надеялся! Мы шли по коридору, в конце которого повешен портрет Чарли Чаплина. И вот мы приближаемся к Чарли Чаплину, и Можаев ликует, как дите малое, и говорит: «Я у Милды заначил пятьсот рублей, сейчас возьмем чего-нибудь и отметим». А я, третий калач, сомневаюсь: «У, Борис, не торопись. Это такая пройда, что ничего не стоит и ждать». — «Да брось ты... Все же отлично вышло». Но — не вышло.

В Можаеве до конца жизни чувствовалась особая морская офицерская выправка. Я помню уникальный случай, когда Фурцева в очередной раз не принимала спектакль и Борис Андреевич разошелся: «Как же вам не стыдно. Сядьте!» — властнорыкнул он молодому карьеристу. И к Фурцевой: «Вы посмотрите, вы не понимаете, как это страшно? Вы же карьеристов растите! Вокруг вас нет настоящих людей! И это Фурцевой! Та обалдела. Все были в шоке минуты полторы, пока Можаев ораторствовал со всей мощью русского языка. Потом помню, как мы, несмотря на разнос, хотели отметить. Стол накрыли, капустку разложили, закуску всякую понаставили. И был чудный вечер, все были счастливы, что спектакль получился, актеры играли прекрасно, пели русские песни...

За эти два десятилетия я хотел поставить еще несколько можаевских рассказов, но мы с Борисом Андреевичем дали друг другу слово, что пока не пробьем «Кузькина», ничего вместе делать не будем...

Год назад на панихиде по Можаеву многие ораторы говорили, что Борис Андреевич сам был Кузькиным. И мне вспомнилось, как на своей золотой свадьбе Петр Леонидович Капица рассказал, что когда-то волновался за меня, а потом успокоился, поняв, что я — Кузькин. Я шут, артист, это неудивительно, к этому обязывает профессия. Что же это за система такая, в которой все сродни Кузькину!

Нет, Борис, ты не Кузькин. Ты вынужден был быть Кузькиным. Чтобы что-то пробить, что-то сдвинуть в этой проклятой системе. И у тебя получилось.